

Действия союзников в Сибири

Я воздерживаюсь от обсуждения действий союзников в Сибири: у меня нет сведений о размерах военной помощи, о том, каковы их политические планы и планы административного устройства. Исходя из имеющихся у меня сведений и из газет, я обязан сказать, что, по моему мнению, союзникам следовало бы послать значительно более крупные силы и что их отношение к российским партиям и правительствам (или скорее к удручающим признакам русской дезорганизации и недостатку политической зрелости) должно было бы быть более ясным и энергичным.

Детально разработанный политический (и административный) план необходим также и для успеха военных операций.

AUML, Praha, fond č. 41, krab. č. 53/6.

Фотокопия.

Перевод с английского.

¹ В заявлении от 3 августа 1918 г. правительство США оправдывало свое участие в антисоветской интервенции стремлением «помочь чехословакам в Сибири» в борьбе против «вооруженных австрийских и германских военнопленных». Одновременно в нем декларировалась широкая экономическая, военная и политическая «помощь» русскому народу в борьбе против Германии и Австро-Венгрии.

¹ Масарик, как и раньше, использует противоречащий исторической правде аргумент о «вероломстве» большевиков, якобы объединившихся с немцами против чехословаков. См. док. 30, 39, 83, 85, 90, 93 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОК. 147

Замечания председателя Чехословацкого национального совета Т. Г. Масарика к меморандуму государственного секретаря США Р. Лансинга¹

Вашингтон

29 сентября 1918 г.

После внимательного прочтения меморандума и после сравнения его с заявлением от 3 августа я прихожу к выводу, что хотя меморандум наметил только главную линию, он радикально меняет заявление от 3 августа; в этом смысле возникает вопрос, почему отменяется заявление от 3 августа именно в период, когда вся политическая и военная обстановка изменяется в таком благоприятном отношении.

I

Меморандум очень уместно подчеркивает трудность военных действий на запад от Урала и выражает мнение, что наши войска должны были бы сосредоточиться на восточной стороне Уральских гор. Недавно (соглашение с генералом Жаненом от 21 сентября) я сам рассматривал возможность отступления через Урал, но только в том случае, если бы немцы заключили военное соглашение с большевиками и бросили бы против нас свои регулярные корпуса.

Мне не нужно говорить о том, что я бы не осмелился решать такой стратегический вопрос отсюда, далеко от самой арены действий; военная обстановка в настоящее время меняется почти каждый день, и пока пишутся эти строки, могут возникнуть новые возможности. Если бы, например, Болгария вышла из австро-немецкого альянса и даже при-

соединилась к Антанте, если бы Турция последовала примеру Болгарии, и если бы в свою очередь Румыния объявила войну Центральным державам (что она, вероятно, сделала бы в случае, если бы Болгария и Турция отпали), то обстановка на Волге радикально изменилась. В таком случае немцы вряд ли захотели бы послать войска против нас; если же Румыния двинулась бы против Венгрии или против Украины, то наша хорошо вооруженная армия могла бы даже достигнуть и Москвы. Разумеется, все это зависит от многих «если бы», но такова уж калейдоскопическая обстановка, что не позволяет мне принять окончательное решение по этому, прежде всего военному, вопросу.

Кроме того, я считал бы необходимым заслушать также мнение нашего главнокомандующего генерала Жанена, который в настоящее время находится на пути во Владивосток, а также мнения союзных командующих, действующих сейчас в Сибири, прежде чем я смог бы сделать окончательные выводы о том, что нам следовало бы отдать территорию на запад от Уральских гор. Меморандум не указывает никакого срока этого предлагаемого отступления, поэтому я думаю, что окончательное решение этого вопроса предоставляется будущему.

Я слишком хорошо знаю историю пресловутого Австрийского военного дворцового совета, который решал стратегические проблемы из Вены, чтобы я следовал его примеру и пытался принимать решения по стратегическим вопросам из Вашингтона, за тысячу миль от места военных действий. Вопрос об отходе через Урал является стратегическим вопросом; ответственные командиры должны решить вопрос о том, когда и каким способом, сразу или по этапам, должен произойти этот отход, может быть, было бы нужным не отдавать противнику Урал немедленно, а отступить из Самары, скажем, к Уфе, а переход через Урал задержать. Все эти вопросы стратегических подробностей должны быть представлены ответственным командирам.

То же самое касается и вопроса о том, куда отступать в Западной Сибири.

В заявлении от 3 августа выражается согласие с движением наших войск на запад и в соответствии с этим планировалась и стратегическая помощь союзников; этот один из важнейших пунктов меморандум меняет, причем в качестве довода указывает, что военные действия на запад от Урала невозможны. По моему мнению, они невозможны не полностью; если, разумеется, наши корпуса получают своевременно необходимое оружие, боеприпасы и вообще помощь, если союзники увеличат свою военную помощь, то такие действия станут возможными. Из заявления от 3 августа я понял, что Соединенные Штаты Америки не пошлют большие соединения, но это не исключает транспортировки новых частей в таком количестве, которое не нанесло бы никакого ущерба Западному фронту.

II

В меморандуме говорится, что нельзя было бы разрешить Германии получать поставки из Западной Сибири. Это весьма разумное стремление, но именно по этой причине мы стараемся удержать Самару; район около Волги (Самара — Саратов) является самым лучшим во всей России. Это хорошо известный факт. У меня, правда, нет никакой статистики о нынешнем урожае в этом районе, но тем не менее я подчеркиваю большое значение Самары, которая является одновременно узлом Туркестанской железной дороги.

III

Но тем не менее предлагаемое отступление наших войск, как я это понимаю, не ставится как условие помощи Соединенных Штатов. В меморандуме утверждается, что на запад от Урала поставки не могут быть посланы. Если я не ошибаюсь, то сейчас поставки идут до Владивостока (или через Фузань в Харбин), а затем по железной дороге на запад; если материалы могут быть довезены, например, до Челябинска, то можно было бы транспортировать их немного дальше, до Уфы. Все равно, однако, проблема остается: удержать сибирскую магистраль, а таким образом и всю Сибирь.

IV

Специальный вопрос о Мурманске и Архангельске я могу опустить, так как он не касается непосредственно наших войск; я хотел бы только указать на тот факт, что в этом отношении меморандум изменяет заявление от 3 августа, но этот вопрос касается союзников.

V

Из меморандума я делаю вывод, что он был составлен без обсуждения с союзниками; это ставит меня в особое положение. В заявлении от 3 августа говорится, что действия союзников не будут ограничены Соединенными Штатами и что союзники могут в делах, касающихся России (Сибири), руководствоваться собственным независимым мнением; остается ли в силе это положение заявления?

VI

Я затронул вопросы тактики: как примут немцы и австрийцы добровольное отступление из России? А как это будет принято большевиками?

Недавние неудачи немцев на Западе и обещающее развитие событий на Восточном фронте должны неизбежно уменьшить германофильство и австрофильство большевиков: я использовал бы эти изменения и стремился бы оторвать большевиков от немцев и австрийцев; я постарался бы, чтобы за отступление было заплачено, я бы сказал, без упаковки. Это не является легкой дипломатической работой, но я попытался бы сделать что-либо в интересах оказания помощи нашему общему делу. Свои взгляды по отношению к большевикам я разъяснил достаточно ясно; я не согласен с ними и с их тактикой, но если бы я посмел использовать одно из изречений президента Вильсона, то..., если нужно, говорил бы с дьяволом. Я убежден, что отношение союзников к большевикам неверно с самого начала; не было правильным и неправильно теперь уйти из России и оставить ее и большевиков полностью немцам и австрийцам.

VII

Я сожалею, что в меморандуме объявляется помощь русскому народу неосуществимой; такое принципиальное изменение точки зрения, выраженной в заявлении от 3 августа, окажет очень плохое влияние на русский народ, если оно станет известным и будет использовано Центральными державами против всех нас. Я сам достаточно критически

отношусь к вопросу о том, сможет ли Россия в скором времени подняться (to rally), но я далек от того, чтобы рассматривать дело так скептически, как это, кажется, имеет место в меморандуме. Но здесь я снова касаюсь больного места — отсутствия единого и ясного плана союзников и Соединенных Штатов по вопросу о России.

Заявление от 3 августа обеспечивает русскому народу большую и щедрую помощь; России даются три обещания: а) поддержку в организации самообороны, б) поддержку в восстановлении ее собственного правительства и в) предлагается очень подробный план экономической и юридической комиссий. Меморандум отменяет эти экономические и человеколюбивые планы. Из краткого высказывания в меморандуме можно сделать вывод, что теперь отказывается в помощи в деле организации самообороны и в Сибири. Такое радикальное суждение делаю не я, но противник его непременно сделает. Я одобряю критическое отношение к некоторым фантастическим обещаниям организовать в ближайшее время великую русскую армию; и все же я сам считаю, что в течение нескольких месяцев могла бы быть организована достаточно большая русская армия — во всяком случае в этом направлении должна быть сделана попытка. Как я это понимаю, такая попытка, сделанная по меньшей мере в Сибири, не будет противоречить меморандуму.

Я надеюсь, что этот меморандум не будет опубликован; но, как я просил, его нужно было бы направить генералу Жанену. Я посылаю ему эти замечания и прошу, чтобы он все свое внимание обратил на предлагаемый план отхода через Урал. Мне кажется, что это, одновременно с ограничением мурманских и архангельских операций, а также предоставление России (собственно) самой себе, является важнейшими пунктами меморандума.

Т. Г. Масарик

*Foreign Relations of the United States,
Lansing Papers 1914—1920. Washington.
1933—1947, II, p. 388—391.
Перевод с английского.*

¹ 23 сентября 1918 г. посол США в Японии Р. Моррис в телеграмме на имя государственного секретаря США Р. Лансинга предложил Госдепартаменту поддержать план немедленного продвижения союзных, в том числе и американских, войск с Дальнего Востока в Европейскую Россию, используя военные успехи чехословацкого корпуса. Лансинг не поддержал этот явно авантюристический план, не учитывавший реальных сил и возможностей экспедиционных сил союзников, высадившихся в начале августа во Владивостоке. Ответ Лансинга Моррису 27 сентября 1918 г. в виде специального меморандума был послан всем союзным правительствам, а также Т. Г. Масарику.

148

Статья газеты «Прукопник свободы» о революционных задачах, стоящих перед словацкими крестьянами и рабочими

Москва

11 октября 1918 г.

Словакия уже встает,
сбрасывает оковы...
А мы говорим:
Уже пролетариат встает,
Оковы ломает.